

П. Қ.

Революціонная
Соціаль-
Демократія
въ Прибалтійскомъ краѣ.

Ц. 10 Қ.

Книгоиздательство Н. С. Щетинина.

ESTICA

A.2532.

п. к.

Революціонная
Соціаль-
Демократія

въ Прибалтійскомъ краѣ.

ц. 10 к. Книгоиздательство Н. С. Щетинина.

J. ANDERSON
BUCHHANDLUNG
DORPAT & PERNAU

Est.

3860

Типографія В. Ф. Ревитцера, Екатерининській кан., 170.

Отъ издателя.

Трагическая борьба прибалтійскаго пролетаріата сосредоточиваетъ на себѣ въ настоящій моментъ всеобщее вниманіе. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ приковываютъ къ остзейскимъ провинціямъ взоры всего міра. Борьба эта, вылившаяся теперь въ вооруженное возстаніе, началась не сегодня и не вчера, — она имѣетъ свою исторію. Настоящему революціонному моменту предшествовалъ десятилѣтній періодъ подготовки и организаціи революціонныхъ силъ городского и сельскаго пролетаріата. Только знакомство съ исторіей этого періода, даетъ возможность нѣсколько оріентироваться во всемъ томъ, что происходило и происходитъ теперь въ Лифляндіи и Курляндіи. „*Революціонная Соціаль-Демократія въ Прибалтійскомъ краѣ*“ выйдетъ въ трехъ частяхъ. Первая, предлагаемая читателю, часть охва-

тывается десятилѣтній подготовительный періодъ и знакомитъ съ постепеннымъ развитіемъ и ростомъ социаль-демократическаго движенія въ Прибалтійскомъ краѣ, вплоть до момента возникновенія всеобщаго вооруженнаго возстанія. Вторая часть будетъ посвящена періоду революціонно—наступательныхъ дѣйствій пролетаріата и введенію въ краѣ революціоннаго самоуправленія. Въ настоящій моментъ движеніе отъ вооруженнаго нападенія перешло къ оборонѣ. Періоду вооруженной обороны предполагается въ будущемъ посвятить третью часть.

Крѣпостное право въ Курляндіи и Лифляндіи было уничтожено въ 1817 — 1819 г.г.; земля, принадлежавшая ранѣе крѣпостнымъ крестьянамъ, перешла послѣ «реформы» въ полную собственность мѣстныхъ помѣщиковъ-бароновъ. По справедливому замѣчанію землевладѣльца фонъ-Байера, только послѣ паденія крѣпостного права потомки нѣмецкихъ рыцарей—завоевателей окончательно подчинили себѣ коренное населеніе прибалтійскихъ провинцій. Наступило время „свободныхъ договоровъ“: отнятую при „освобожденіи“ землю крестьянинъ получалъ теперь въ пользованіе отъ барона за цѣлый рядъ тяжкихъ натуральныхъ повинностей и безконечныхъ обязательствъ, тщательно оговоренныхъ въ контрактѣ „безправнаго арендатора“. Такимъ образомъ, фактически, крѣпостная зависимость продолжала процвѣтать и послѣ „освобожденія“, подъ видомъ арендныхъ отношеній, условія которыхъ были настолько неблагоприятны для крестьянъ, что вскорѣ-же послѣ реформы во многихъ мѣстностяхъ Лифляндіи и Курляндіи возникли аграрныя волненія, которыя пришлось подавлять вооруженной силой. Чтобы вполнѣ оцѣнить подарокъ Александра I латышскимъ крестьянамъ, достаточно указать на слѣдующее: манифестомъ 25 августа 1817 г. освобожденнымъ крестьянамъ воспрещалось оставлять предѣлы своей губерніи и переселяться въ города. Право свободного передвиженія крестьяне получили только съ развитіемъ промышленности: только капитализмъ открылъ передъ безземельнымъ крестьяниномъ ворота современнаго города.

Подъемъ промышленности въ остзейскихъ провинціяхъ начался въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія. Съ того-же времени соціаль-демократическія идеи начинаютъ распространяться среди латышскаго населенія. Большая часть латышской интеллигенціи рекрутировалась въ то время, преимущественно, изъ среды разночинцевъ (двери средней школы тогда еще не были закрыты для „кухаркиныхъ дѣтей“). Молодежь эта, въ школьные годы сама претерпѣвъ много нужды и лишеній, быстро восприняла идеи Маркса и Энгельса. Экономическія условія остзейскихъ провинцій, съ ихъ крупными землевладѣльцами и фабрикантами, съ массою фабричнаго и сельскаго пролетаріата, настолько согласовались съ экономическими условіями Западной Европы, что ученіе нѣмецкихъ соціаль-демократовъ могло быть принято, даже безъ всякаго приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ. Нѣмецкія агитаціонныя брошюры, излагавшія экономическое ученіе Маркса и Энгельса, были переведены на латышскій и эстонскій языки и горячо обсуждались въ возникшихъ къ тому времени рабочихъ кружкахъ. Политическаго движенія тогда еще не существовало въ Прибалтійскомъ краѣ: пролетаріатъ остзейскихъ провинцій также какъ и пролетаріатъ русскій въ то время еще не вступилъ на путь открытой борьбы съ самодержавіемъ. Руководители движенія вели почти исключительно экономическую пропаганду, исходя изъ того положенія, что организовать рабочихъ и направить ихъ въ русло политическаго движенія станетъ дѣломъ сравнительно легкимъ, когда послѣдніе достаточно уяснятъ себѣ классовую точку зрѣнія революціоннаго пролетаріата. Эти предположенія вполнѣ оправдались. Послѣ сравнительно короткаго агитаціонно-подготовительнаго періода, наиболѣе революціонно-настроенные слои прибалтійскаго пролетаріата удалось объединить въ соціаль-демократическую организацію. Ученіе русскихъ народниковъ объ особыхъ свойствахъ общиннаго землевладѣнія всегда было совершенно не понятно для латышскихъ рабочихъ и движеніе мѣстнаго пролетаріата съ самаго начала было свободно отъ тѣхъ анти-научныхъ соціальныхъ теченій,

съ которыми такъ долго боролись, а отчасти и теперь еще борятся (въ лицѣ социаль-революціонеровъ) русскіе социаль-демократы. Распространенію социаль-демократическихъ идей, въ періодъ возникновенія первой рабочей организаціи, много способствовали латышскіе ремесленники, побывавшіе въ Германіи, а также нѣкоторые нѣмецкіе социаль-демократы, заброшенные судьбою въ Прибалтійскій край. Значительную помощь развитію социаль-демократической пропаганды оказали существовавшіе на законномъ основаніи нѣвческія общества и союзы взаимопомощи. Кромѣ того, нѣкоторые легальныя латышскія газеты прогрессивнаго направленія, помѣщали иногда замѣтки о рабочемъ движеніи на Западѣ, хотя по цензурнымъ условіямъ и не могли дѣлать соотвѣтствующихъ выводовъ примѣнительно къ Прибалтійскому краю. По невѣжеству цензоровъ въ остзейскія провинціи проникали даже нѣкоторые социаль-демократическія газеты. Такъ въ 1896 году въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ почта доставляла намъ въ Юрьевъ „Leipziger Volkszeitung“, ничего не говорящее заглавіе которой ввело, очевидно, въ заблужденіе цензуру. Наконецъ, черезъ нѣкоторые книжные магазины можно было выписывать: „Der Wahre Jacob“ и „Die Neue Zeit“.*) Изъ латышскихъ газетъ особенно симпатизировала рабочему движенію выходившая въ Ригѣ „Deinas Lapa“. Почти въ каждомъ номерѣ этой газеты помѣщались переведенныя изъ „Neue Zeit“, статьи, конечно безъ указанія источника. Такъ дѣло шло въ теченіе полугода, пока, послѣ нѣсколькихъ перепечатокъ изъ „Женщины“ Бебеля, буржуазныя нѣмецкія газеты не обратили вниманія цензора на происхожденіе статей въ „Deinas Lapa“. Все сразу измѣнилось. Цензоръ, боявшійся доноса въ Петербургъ со стороны прибалтійскаго дворянства и духовенства, по отноудъ не расположенный къ чтенію неинтересныхъ для него статей, началъ тщательно вычеркивать попадавшіяся ему въ статьяхъ отдѣльныя слова: социаль-демократъ, социали-

*) Періодическія изданія нѣмецкихъ социаль-демократовъ.

стическій, рабочій, капиталистъ, Бебель и т. д., помѣчая на поляхъ корректурныхъ листовъ: „если эти слова будутъ попадаться и впредь, то буду вычеркивать цѣлыя статьи“.

При такихъ условіяхъ трудно было печатать даже статьи строго-научнаго характера. Газета потеряла всякое значеніе для рабочихъ. Въ продолженіи нѣкотораго времени она еще боролась съ кваснымъ патріотизмомъ прибалтійской буржуазіи, пока не была закрыта въ 1897 г. За короткій срокъ своего существованія газетѣ все же удалось затронуть нѣкоторые основные вопросы классовой борьбы, разъяснить, хотя бы нѣкоторой части интеллигенціи, характеръ капиталистическаго способа производства и дискредитировать въ глазахъ латышскихъ рабочихъ тѣхъ „патріотовъ“, которые видѣли главную задачу латышскаго движенія въ культивированіи этнографическихъ особенностей латышскаго народа. Гораздо большее значеніе имѣла въ то время нелегальная агитація въ кружкахъ, зачастую руководимыхъ самими рабочими.

Уже въ продолженіи 1896 и 1897 г.г. въ Либавѣ и Ригѣ, главныхъ промышленныхъ центрахъ Прибалтійскаго края, устраиваются многолюдныя массовки и съ большимъ успѣхомъ проводятся празднованія перваго мая. Это движеніе не могло не обратить на себя вниманія жандармовъ. Одновременно съ закрытіемъ „Deenas Lapa“ и арестомъ ея редактора и главныхъ сотрудниковъ, рижское жандармское управленіе напало на слѣдъ нѣкоторыхъ товарищей занимавшихся доставкой изъ Германіи транспортныхъ нелегальной литературы. Было арестовано около 100 социаль-демократовъ. Главнымъ инициаторомъ этихъ арестовъ былъ извѣстный Зубатовъ, въ руки котораго случайно попалъ одинъ латышскій рабочій, пріѣхавшій въ Москву изъ Либавы, и при обыскѣ у котораго было найдено значительное количество нѣмецкой социаль-демократической литературы. Прибалтійскіе жандармы съ необычайнымъ усердіемъ принялись за преслѣдованіе латышскихъ рабочихъ и студентовъ, обнару-

живая вредныя идеи даже среди 14-лѣтнихъ гимназистовъ и гимназистокъ. Масса заподозрѣнныхъ была арестована, и подвергнута предварительному заключенію, а за тѣмъ выслана или отдана подъ надзоръ полиціи. Рабочіе кружки въ Ригѣ и Либавѣ, понесъ тяжелыя потери, распались. Множество легальныхъ организацій было закрыто, и даже театральныя представленія подверглись строжайшему полицейскому контролю. Лояльныя латышскіе патріоты ликовали по поводу побѣды надъ „красной опасностью“ и братались съ жандармами на патріотическихъ пирушкахъ. Такъ испугало латышскую буржуазію и ея наемныхъ интеллигентовъ прибалтійское пролетарское движеніе, бывшее тогда еще въ зародышѣ!

Между тѣмъ рабочіе, затронутые социаль-демократической пропагандой, вскорѣ послѣ разгрома 1897 г. стали вновь организоваться, хотя восстановленію прежнихъ организацій сильно препятствовалъ недостатокъ руководящихъ интеллигентныхъ силъ и почти полное отсутствіе партійной литературы.

Что касается до литературы, то въ этомъ отношеніи возрождающемуся движенію старались помочь нѣкоторые товарищи, которымъ удалось избѣжать ареста. Они переселились въ Англію и Америку, гдѣ начали издавать латышскіе социаль-демократическіе органы „Ansklis“ и „Latweeschu Strahdnecks“. Но условія транспорта были въ то время весьма неблагоприятны и только нѣсколько сотъ экземпляровъ этихъ изданій попало въ Россію. Между тѣмъ, развивавшаяся промышленная жизнь края вскорѣ вновь привела въ движеніе рабочія массы и убѣдила ихъ въ необходимости создать прочную организацію.

Промышленное развитіе шло гигантскими шагами. За 20 лѣтъ населеніе Риги удвоилось. Во время послѣдней переписи Рига насчитывала уже 210,000 ж., Либава 75,000. Все пролетаризированное, работоспособное населеніе неудержимо стремилось въ Ригу и другіе промышленные центры края. Въ Ригѣ, Либавѣ и Митавѣ

основались грандіозныя акціонерныя компаніи, работавшія съ чудовищнымъ дивидендомъ. Между тѣмъ классовое самосознаніе уже пробудилось въ прибалтійскомъ рабочемъ. Въ 1899 г. въ Ригѣ и Либавѣ происходитъ рядъ рабочихъ волненій. Дѣло началось съ волненій среди рижскихъ работницъ. Когда собравшіяся работницы были разогнаны при помощи оружія и пожарныхъ насосовъ, 3000 рабочихъ вагонныхъ мастерскихъ заявили имъ свою солидарность и прекратили работу. Несмотря на то, что въ Ригѣ въ то время фактически не существовало социаль-демократической организаціи, къ забастовщикамъ, безъ всякой агитаціи со стороны, примкнуло около 60.000 рабочихъ. Выставлены были экономическія требованія. Движеніе не носило политическаго характера, хотя послѣ убійства полиціей и солдатами многихъ забастовщиковъ отношеніе рижскихъ рабочихъ къ самодержавному правительству было уже и тогда вполне опредѣленное. Въ первый разъ кровь рабочихъ пролилась на улицахъ Риги. Негодованіе еще малосознательной рабочей массы выразилось въ разгромѣ нѣсколькихъ фабричныхъ зданій. Такъ же кончилась стачка и въ Либавѣ. Только въ послѣдній моментъ нѣкоторые товарищи пытались воздѣйствовать на рабочихъ при помощи гектографированныхъ листовъ, но было уже поздно и всѣ попытки сознательныхъ элементовъ овладѣть массой были тщетны.

Перспектива продолжительной стачки далеко не улыбалась рижскимъ фабрикантамъ и они предпочли сдѣлать рядъ мелкихъ уступокъ: было обѣщано повышеніе расцѣнокъ въ размѣрѣ отъ 2 до 10% и сокращеніе рабочаго времени на $\frac{1}{2}$ часа. Стачка прекратилась. Главныя требованія рабочихъ не были удовлетворены. Вскорѣ фабриканты разсчитали наиболѣе активныхъ участниковъ забастовки, а полиція выслала ихъ на родину. Стачка имѣла бы совершенно иной исходъ, если бы она была организована; этого не могли не понять рабочіе. Рижскіе рабочіе поняли, что только при помощи организаціи они могутъ добиться улучшенія своего положенія и что

капиталисты никогда не устояли бы противъ соединенныхъ силъ пролетаріата, если бы правительство не поддерживало буржуазію вооруженной силой. Это сознаніе было самымъ положительнымъ результатомъ стачки 1899 г. Отнынѣ громадное большинство латышскихъ рабочихъ убѣдилось въ необходимости организаціи и политической борьбы съ самодержавіемъ. Въ этомъ направленіи и предстояло работать социаль-демократамъ. Послѣ звѣрствъ присланныхъ въ Ригу казаковъ, моментъ могъ бы быть превосходно использованъ въ агитаціонномъ отношеніи, если бы этому не воспрепятствовалъ недостатокъ партійныхъ работниковъ: наиболѣе сознательные рабочіе были высланы изъ города, а лучшіе представители социаль-демократической интеллигенціи находились уже въ ссылкѣ по первому процессу или же, окруженные строжайшимъ надзоромъ полиціи, ожидали рѣшенія своей участи со стороны Департамента Полиціи. Все падо было начинать съ начала и палочный составъ партійныхъ работниковъ могъ расходоваться лишь съ большою осмотрительностью. Такъ прошелъ весь слѣдующій годъ. Только къ веснѣ 1901 г. организація настолько окрѣпла, что могла приступить къ широкой работѣ въ массѣ. Въ этомъ году въ Митавѣ, Либавѣ и Ригѣ впервые были распространены печатные первомайскіе листки. Эти листки были привезены изъ за границы и, хотя при распространеніи значительное число ихъ попало въ руки полиціи, правительству все же удалось показать, какіе плоды выросли на залитомъ кровью полѣ прибалтійскаго рабочаго движенія. Побѣдители 1897 г. ликовали слишкомъ рано...

Черезъ годъ среди рабочихъ распространялись уже прокламаціи мѣстнаго производства, въ первый разъ подписанныя Латышскимъ Соціаль-Демократическимъ Комитетомъ г. Риги. Въ техническомъ отношеніи эти прокламаціи были, конечно, хуже заграничныхъ, но на этотъ разъ ихъ удалось распространить безъ большихъ потерь и, что особенно важно, при дѣятельномъ участіи самихъ рабочихъ. Каждая строка этихъ воззваній пересчитывалась

десятки разъ, выставленныя въ нихъ политическія и экономическія требованія обсуждались въ рабочихъ кружкахъ, и борьба за политическую свободу была вездѣ признапа ближайшей задачей латышскаго пролетаріата.

Въ продолженіи 1902 года возникли всѣ организаціи, вошедшія впослѣдствіи въ составъ Латышской Соціально-Демократической Рабочей Партіи: Курляндская Соц.-Дем. Группа, Виндавскій, Либавскій и Тальсенскій*) Комитеты. Рижскій Комитетъ сформировался уже ранѣе въ 1901 г. Эти организаціи вскорѣ-же проявили самую энергичную дѣятельность; Тальсенскій и Виндавскій Комитеты, главнымъ образомъ, среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ-арендаторовъ. Въ общемъ работа, за этотъ періодъ времени, выразилась въ созданіи цѣлаго ряда новыхъ кружковъ, въ организаціи агитаціонныхъ собраній и въ массовомъ распространеніи литературы. Въ Ригѣ въ продолженіи 1902—1903 года удалось организовать 20 большихъ рабочихъ собраній, не обнаруженныхъ полиціей. Въ этомъ же году въ Ригѣ и Митавѣ произошли первыя демонстраціи. Успѣшнѣе всего шла работа Рижскаго Комитета и Курляндской Группы, которые въ теченіи одного только 1903 года отпечатали и распространили свыше 250 тысячъ воззваній. Изданный въ этомъ году Курляндской Группой первомайскій листокъ былъ подписанъ уже тремя организаціями. Среди крестьянъ и земледѣльческихъ рабочихъ воззванія распространялись главнымъ образомъ въ церквяхъ при богослуженіи, такъ какъ только въ это время большинство сельскаго населенія было въ сборѣ. Такимъ путемъ, по мѣстнымъ условіямъ, легче всего было знакомить крестьянъ и батраковъ со стремленіями революціонной соц.-демократіи и со значеніемъ разгоравшейся въ городахъ политической борьбы. Вначалѣ, когда уловки „красныхъ“ еще не были извѣстны, распространенію нашихъ воззваній содѣйствовали, подчасъ, сами церковные сторожа и даже миссіонерскіе книгоноши. Именно при

*) Тальсень—уѣздный городъ Курляндской губ.

ихъ содѣйствіи былъ въ 1903 г. распространенъ изданный во время рождественскихъ праздниковъ Курляндской Группой агитаціонный листокъ, озаглавленный „Миръ на землѣ!..“ Постепенно церковь сдѣлалась въ деревнѣ обычнымъ мѣстомъ политическихъ митинговъ, къ великому ужасу бароновъ и пасторовъ, которые въ продолженіи уже трехъ лѣтъ не перестаютъ кричать объ „оскверненіи святыни“. За послѣднее время особенно увеличивается число „церковныхъ посѣтителей“, но, какъ заявляютъ сами пасторы, крестьяне приходятъ теперь въ церковь „не для слова Божія, а чтобы слушать тамъ политическія рѣчи и получать вновь вышедшія прокламаціи“. Такимъ образомъ въ Курляндіи и Лифляндіи сама церковь стала той ареной, гдѣ началась борьба между христіанствомъ и социализмомъ. Христіанство не выдержало боя. Уже въ мартѣ 1905 года служители алтаря въ первый разъ призвали казаковъ, когда же и тѣ не въ силахъ были ихъ защитить, — они заперли свои храмы. Къ лѣту была прекращена служба въ 30 лютеранскихъ церквяхъ края.

Христіанство капитулировало передъ социализмомъ.

* * *

Прежде чѣмъ перейти къ событіямъ послѣдняго времени, необходимо сказать нѣсколько словъ о дѣятельности латышскихъ эмигрантовъ. Союзъ Латышскихъ Соц.-Дем. въ Западной Европѣ, къ которому принадлежали почти все, проживавшіе тогда за границей латышскіе соц.-демократы, издалъ 8 номеровъ газеты „Latweeschu Strahd pecks“ (Латышскій Рабочій). Тѣмъ же союзомъ былъ изданъ Коммунистическій Манифестъ Марса и Энгельса въ латышскомъ переводѣ. Черезъ годъ, изъ за личныхъ недоразумѣній между членами редакціи, изданіе газеты прекратилось и для современнаго рабочаго движенія въ Прибалтійскомъ краѣ имѣетъ значеніе только, издающаяся до сихъ поръ за границею „Sozialdemokrats“ („Соціалдемократъ“). Первый его номеръ вышелъ въ Лондонѣ въ 1900 году вскорѣ по прекращеніи „Latweeschu

Strahdneeks“. За послѣдніе годы „Соціалъдемократъ“, редакція котораго перенесена въ Бернъ, выходитъ довольно регулярно ежемѣсячными книжками въ размѣрѣ отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ. Содержаніе журнала наполовину составляетъ небольшія научныя статьи, наполовину корреспонденціи. Кромѣ того въ изданіи „Соціалъдемократа“ вышли: „Эрфуртская программа“ и „Соціальная революція“ Каутскаго, „Женщина“ Бебеля и до 50 другихъ соціалъ-демократическихъ брошюръ. Рядъ агитаціонныхъ брошюръ былъ изданъ за границею и Курляндской Группой. Всѣ брошюры выходили обычно въ количествѣ 2—4 тысячъ экземпляровъ. Само собой понятно, что при контрабандной доставкѣ заграничныхъ изданій многое попало въ лапы пограничныхъ ищеекъ, которымъ все время цѣнныя услуги оказывало прусское правительство. Слѣдуетъ однако замѣтить, что со времени кенигсбергскаго процесса ввозъ революціонной контрабанды скорѣе увеличился, чѣмъ уменьшился: за послѣднее время ежегодно ввозилось не менѣе 25—42 пудовъ партійной литературы.

Съ началомъ русско-японской войны для латышскихъ соціалъ-демократовъ открылась новая сфера дѣятельности. Прежде всего нужно было выступить противъ попытокъ нѣкоторыхъ „патріотовъ“ собирать трудовые рабочіе гроши на „усиленіе флота“ и на Красный Крестъ. Устроенныя съ этой цѣлью спектакли и концерты были сорваны химическою обструкціею. Состоящая на содержаніи у правительства газета „Rigas Awise“ была подвергнута бойкоту. Протестъ былъ на столько силенъ, что правительство не рѣшилось повторить въ городахъ Прибалтійскаго края тѣхъ полицейско-патріотическихъ манифестацій, которыя были организованы имъ въ Россіи.

Русская армія потерѣла рядъ неудачъ. Пораженіе слѣдовало за пораженіемъ; было очевидно, что приближается время послѣдней рѣшительной борьбы съ самодержавіемъ. Работавшія до сихъ поръ въ одиночку организаціи поняли, что пришло время объединиться. Весною 1904 года были завязаны первые переговоры,

а послѣ майскихъ демонстрацій, вновь сопровождавшихся въ Ригѣ и Либавѣ кровавыми столкновениями, было рѣшено объединиться въ партію. Въ іюнѣ 1904 года собрался Первый Всеобщій Конгрессъ Латышской Соціально-Демократической Рабочей Партіи. На Конгрессѣ была принята заранѣе выработанная представителями всѣхъ организаций партійная программа, въ основу которой легла Эрфуртская программа Германской Партіи. Было установлено взаимоотношеніе вошедшихъ въ Партію организаций, опредѣлено отношеніе Латышской Партіи къ существующимъ въ другихъ частяхъ Имперіи оппозиционнымъ и революционнымъ Партіямъ и постановлено не вступать въ соглашенія съ революционными организациями, не стоящими на почвѣ научнаго социализма, къ числу которыхъ была отнесена и Партія Соціально-Революціонеровъ. Въ національномъ вопросѣ и въ вопросѣ о представительствѣ національностей въ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи большинство Конгресса присоединилось къ точкѣ зрѣнія „Бунда“ *).

*) Позиція Бунда по этому вопросу сводится къ слѣдующему:

1) Бундъ есть соціально-демократическая, неограниченная въ своей дѣятельности какими либо районными рамками, организация еврейскаго пролетаріата, и входитъ въ партію въ качествѣ его единственнаго представителя.

2) Въ Цен. Ком. Партіи, въ Заграничный Ком. и на съѣзды Бундъ избираетъ свое представительство.

3) Программой Бунда является общепартійная программа.

4) Бундъ имѣетъ свои съѣзды для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся еврейскаго пролетаріата, свой Центр. Ком. и свой Заграничный Ком.

Второй Съѣздъ Росс. Соц.-Дем. П. отвергъ эти положенія Бунда и принялъ по поводу нихъ слѣдующую резолюцію: „Отвергая, какъ безусловно недопустимую въ принципѣ, всякую возможность *федеративныхъ* отношеній между Р. С.-Д. Р. П. и Бундомъ, какъ ея составною частью, съѣздъ устанавливаетъ, что Бундъ занимаетъ въ единой Р. С.-Д. Р. П. положеніе автономной ея части“. Послѣ принятія этой резолюціи, делегаты Бунда покинули съѣздъ и заявили о выходѣ своей организации изъ Р. С.-Д. Р. П. (См. Полные протоколы Второго Съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Стр. 12, 80—103, 391—393).

Примѣчаніе издателя.

зации представили Конгрессу доклады о своей прошлой деятельности, былъ выработанъ организационный уставъ, избранъ Центральный Комитетъ и постановлено послать делегата Парти на Международный Соціалистическій Конгрессъ въ Амстердамъ. Журналъ „Соціалдемократъ“ былъ признанъ руководящимъ органомъ Парти. Приводимъ изъ отчета Перваго Конгресса (напечатанъ въ заграничной рабочей газетѣ „Zihna“) слѣдующія данныя, характеризующія силы организацій, до объединенія: въ 1904 году въ Ригѣ, гдѣ латыши составляютъ $\frac{9}{10}$ рабочаго населенія, насчитывалось 115 рабочихъ кружковъ съ 1500 организованными рабочими (среди нихъ 200 женщинъ), регулярно выплачивавшими ежемѣсячные взносы въ пользу организаціи, посѣщавшими агитационныя собранія и распространявшими партійную литературу. Число рабочихъ, читавшихъ партійныя изданія и поддерживающихъ организацію регулярными взносами достигало 5—6 тысячъ человѣкъ. Въ отчетномъ году былъ организованъ цѣлый рядъ массовокъ и удачно проведено 4 демонстраціи, въ которыхъ участвовало отъ 1000 до 3000 человѣкъ. Во время майскихъ демонстрацій этого года въ Ригѣ и Митавѣ вновь произошли столкновенія съ полиціей, но на этотъ разъ были раненые и въ рядахъ послѣдней. Въ Ригѣ было задержано 40, а въ Митавѣ 30 демонстрантовъ,

За отчетный годъ т. н. „Балтійская Латышская Соц.-Дем. Организациа“ (Рижскій, Либавскій, Виндавскій и Тальсенскій Комитеты) издали болѣе 300.000 прокламаций: „Наши требованія“ (45.000), Да „здравствуетъ политическая стачка“. (40.000). „Долой самодержавіе!“ (20.000), 52.000 экз. листка „О войнѣ“, и цѣлый рядъ др. Рабочая газета „Zihna“ (размѣромъ отъ 8 до 20 стр.) печаталась и распространялась среди постоянныхъ подписчиковъ въ количествѣ 3.000 экз. Второе мѣсто послѣ Рижскаго Комитета по размѣрамъ своей дѣятельности занимала Курляндская Группа (въ настоящее время Митавскій Комитетъ) съ 25 рабочими кружками и 200 организованными рабочими.

Эта организація самостоятельно сработала и распространила болѣе 36.000 листовъ. Либавскій Комитетъ насчитывалъ тогда не болѣе 100—200 организованныхъ рабочихъ. Въ деревняхъ успѣшно вели пропаганду Курляндская Груша, Тальсенскій и Виндавскій Комитеты. Вообще, социаль-демократическая пропаганда получила болѣе широкое распространеніе въ Курляндской губ. Въ Лифляндской губ., кромѣ Риги, рабочіе кружки существовали только въ Венденѣ и Вольмарѣ. Но, конечно, и въ Лифляндіи была масса недовольныхъ, охотно прислушавшихся къ евангелію социализма, обѣщавшему имъ освобожденіе отъ цѣпей капиталистическаго строя. Нужна была только искра, чтобы довести до взрыва ихъ пассивное недовольство. Такой искрой, которая воспламенила по вышности инертную массу, приведя въ движеніе и земледѣльческій пролетаріатъ, были январскія событія въ Петербургѣ, Ригѣ и Варшавѣ.

Всеобщая стачка прибалтійскихъ рабочихъ могла бы, конечно, возникнуть и безъ кровавыхъ петербургскихъ дней. Достаточно было бы возникнуть большой стачкѣ въ любомъ изъ городовъ края, чтобы рабочіе Риги и Либавы примкнули къ ней по первому призыву мѣстныхъ комитетовъ: такъ сильна была уже тогда организація городского пролетаріата. 11 января въ Ригѣ были получены извѣстія о петербургскихъ событіяхъ. Комитетъ, хорошо зная, какъ отнесутся къ нимъ рижскіе рабочіе, не колеблясь приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ тотъ же вечеръ было созвано нѣсколько конспиративныхъ собраній и вопросъ о всеобщей стачкѣ былъ рѣшенъ единогласно. Въ ночь съ 11 на 12 января Рижскій Комитетъ изготовилъ въ количествѣ 15.000 экз. призывъ къ забастовкѣ, заканчивавшійся слѣдующими словами: „Стыдъ и позоръ продолжать работать на нашихъ угнетателей теперь, когда снѣгъ петербургскихъ улицъ окрашенъ кровью нашихъ братьевъ. Рабочіе и работницы! Въ этотъ историческій моментъ долгъ призываетъ насъ прекратить работу. Мы объявляемъ всеобщую стачку. Мы требуемъ: 1. Немедленнаго Созыва Учре-

дательнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія; 2. Свободы слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ; 3. 8 часового рабочаго дня; 4. Увеличенія заработной платы; 6. Рабочіе (безъ различія пола) не должны получать въ день менѣе рубля; 7. Немедленнаго окончанія войны. — Долой войну! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ социаль-демократія!“

Это воззваніе было распространено среди рабочихъ, частью въ ту же ночь, частью на другой день утромъ. Вечеромъ 12 января бастовало уже большинство фабрикъ по ту сторону Двины. Весь день по улицамъ Риги двигались толпы рабочихъ численностью въ 100—500 человекъ съ криками „забастовка!“ Тамъ, гдѣ ворота фабрикъ не отворяли добровольно—ихъ выламывали. Но въ большинствѣ случаевъ въ этомъ не было надобности. Рабочіе уже знали, что Комитетъ постановилъ всеобщую забастовку и покидали мастерскія по первому призыву организованныхъ товарищей. Послѣ краткой рѣчи оратора, передававшего вновь забастовавшимъ рабочимъ подробности петербургскихъ событій и выяснявшего значеніе политической стачки, они присоединялись къ толпѣ и шествіе съ пѣніемъ рабочей марсельезы двигалось далѣе до слѣдующей фабрики.

13 января стачка была уже всеобщей и къ ней примкнули даже ломовые извозчики. Продолжала работать только резиновая фабрика „Проводникъ“. Полиція и войска заняли всѣ главныя улицы въ центрѣ города и, когда 20.000 шествіе рабочихъ все же пыталось проложить себѣ туда дорогу, ему преградили путь двѣ полуроты солдатъ и безъ предупрежденія дали два залпа... *Кровью 50 убитыхъ и 120 раненыхъ запечатлѣли рижскіе рабочіе свою солидарность съ пролетаріатомъ Петербурга.*

Грандиозная демонстрація произошла при похоронахъ одного изъ убитыхъ рабочихъ. Десятки тысячъ послѣдовали призыву Комитета и проводили черезъ весь городъ погибшаго товарища. По дорогѣ раздавались прокламации, отпечатанныя въ траурныхъ рамкахъ. На каж-

домъ перекресткѣ шествіе останавливалось, — ораторы произносили рѣчи на латышскомъ, еврейскомъ и русскомъ языкахъ.

Всеобщая политическая стачка держалась 8 дней. Участіе въ ней приняло не менѣе 80.000 рабочихъ. Вечеромъ 20 января объединенный стачечный комитетъ (въ организаціи стачки приняли участіе также мѣстные Комитеты „Бунда“ и Росс. Соц.-Дем. Раб. П.) рѣшилъ прекратить политическую забастовку. Мотивами къ такому рѣшенію послужили: ослабленіе стачечнаго движенія въ русскихъ городахъ, недостатокъ средствъ у стачечнаго комитета и то обстоятельство, что среди рабочихъ стали раздаваться голоса о бесплодности продолжать политическую борьбу невооруженныхъ рабочихъ противъ превосходныхъ силъ войска и полиціи. Было рѣшено на будущее время устраивать только вооруженныя демонстраціи. Стачку же было постановлено не прекращать до тѣхъ поръ, пока капиталисты не сдѣлаютъ ряда экономическихъ уступокъ. Было выставлено требованіе сокращенія рабочаго времени, повышенія заработной платы на 10—20% и оплаты стачечныхъ дней. Администрація двухъ вагонно-строительныхъ заводовъ (работаетъ около 8,000 человекъ) сдалась уже черезъ нѣсколько дней; былъ введенъ 9 часовой рабочий день и повышена заработная плата на 5—15%. Побѣда, одержанная рабочими двухъ самыхъ большихъ промышленныхъ предприятий города, побудила рижскій пролетаріатъ возобновить экономическую борьбу: черезъ 14 дней снова разгорѣлась грандіозная борьба между трудомъ и капиталомъ. Эта вторая, *экономическая* фаза всеобщей стачки достигла своего апогея къ концу февраля. Въ это время бастовало не менѣе 50 фабричныхъ заведеній; число бастовавшихъ рабочихъ было свыше 30,000. На этотъ разъ къ стачкѣ присоединился и „Проводникъ“. Обѣ стороны держались съ большимъ упорствомъ. Но въ концѣ концовъ среди капиталистовъ возникли разногласія, и черезъ двѣ-три недѣли часть предпринимателей пошла на уступки. Тамъ, гдѣ стачка прекратилась, рабочіе заня-

лись очисткою фабрикъ отъ сыскныхъ элементовъ. Предприниматели не перенесли этого поваго „вмѣшательства въ свои права“, и борьба возобновилась. Черезъ 6 недѣль, однако, закончился и экономическій фазисъ стачки. Рабочіе праздновали яобѣду. Почти вездѣ удалось добиться сокращенія рабочаго времени на 1 часъ и увеличенія заработной платы на 10⁰/₀. Рабочимъ центральнаго виннаго склада послѣ 6 дневной забастовки удалось даже добиться 8 часоваго рабочаго дня. 14 машино-строительныхъ заводовъ вынуждены были ввести 10 час. рабочій день.

Въ Митавѣ, Либавѣ и Виндавѣ стачка была также всеобщей. Въ Митавѣ происходилъ цѣлый рядъ демонстрацій. Три дня рабочіе ходили по улицамъ города съ красными знаменами и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень. Во время экономическаго періода стачки къ фабричнымъ рабочимъ здѣсь присоединились портные, пекаря и кузнецы. 17 февраля даже городовые угрожали забастовкой, если не будутъ удовлетворены ихъ экономическія требованія. Въ общей сложности, въ концѣ января (*политическая* стачка) бастовало не менѣе 100,000 рабочихъ, а въ концѣ февраля (*экономическая* стачка) не менѣе 55,000. Руководство стачкой все время принадлежало Латышской Соц.-Дем. Рабочей Партіи. Въ Ригѣ, впрочемъ, состоялось временное федеративное соглашеніе съ мѣстнымъ Комитетомъ „Бунда“. Во время политической забастовки въ Статечномъ Комитетѣ участвовалъ также и представитель Рижскаго Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи; дѣятельность послѣдняго въ обычное время ограничивалась тѣми немногими фабриками, гдѣ русскіе рабочіе составляютъ большинство.

Успѣхъ стачки объясняется, въ значительной степени, тѣмъ обстоятельствомъ, что латышскіе рабочіе были прочно организованы еще до январскихъ событій.

Громадное вліяніе январскихъ стачекъ на дальнѣйшій ростъ Прибалтійскаго рабочаго движенія хорошо видно изъ докладовъ отдѣльныхъ комитетовъ II Конгрессу Лат. Соц.-Дем. Раб. Партіи, состоявшемуся въ іюнѣ

1905 года, о нѣкоторыхъ подробностяхъ котораго мы, къ сожалѣнію, принуждены пока умолчать. Приведемъ только нѣсколько цифровыхъ данныхъ. Число организованныхъ рабочихъ, ежемѣсячно дѣлавшихъ правильные взносы въ партійную кассу, возросло въ Ригѣ съ 1500 до 2750 ч. (среди нихъ 565 женщинъ), въ Либавѣ съ 200 до 1500 ч. У рабочей газеты „Zihna“ въ Ригѣ уже было 5000 постоянныхъ подписчиковъ. Кроме того, Центральный Комитетъ за отчетный 1904—5 годъ отпечаталъ и распространилъ 500000 прокламацій. Демонстраціи устраивались при всякомъ благопріятномъ случаѣ. Число наиболѣе значительныхъ демонстрацій, организованныхъ частью совместно съ „Бундомъ“, достигаетъ 19.

Растущее съ каждымъ днемъ революціонное движеніе убѣдило, наконецъ, правительство, а также прибалтійскую буржуазію и дворянство, что Латышская Рабочая Партія является силой, съ которой необходимо серьезно считаться. Послѣ долгихъ замалчиваній это призналъ и Департаментъ Полиціи въ своемъ, довольно правдиво написаномъ сообщеніи. Больше всего заботъ доставило правительству *революціонное движеніе въ деревняхъ*. Для борьбы съ этимъ движеніемъ правительство объявило Курляндію и Лифляндію на положеніи усиленной охраны, а затѣмъ, чтобы потопить его въ крови—ввело военное положеніе. Крестьянская война всегда внушала особенный ужасъ правительству и баронамъ.

Для правильной оцѣнки революціоннаго движенія въ деревнѣ необходимо прежде всего разсмотрѣть тѣ социальныя слои, изъ которыхъ складывается сельское населеніе Прибалтійскаго края. Здѣсь мы видимъ:

1) *крупныхъ землевладѣльцевъ дворянъ*. Есть имѣнія, въ которыхъ занято отъ 150 до 200 рабочихъ семей. Хозяйство ведется при помощи усовершенствованныхъ машинъ, имѣются хорошо оборудованныя сыроварни, винокурни, паровыя мельницы, кирпичные и известко-обжигальныя заводы.

Владѣльцы этихъ латифундій почти всѣ принадлежатъ къ нѣмецкому дворянству и только нѣкоторые арендаторы

менше крупных казенных имѣній—латышскаго происхождения. Дворянству принадлежитъ въ Курляндіи половина всей земельной площади, въ Лифляндіи около трети. Къ разряду крупныхъ землевладѣльцевъ слѣдуетъ отнести также и лютеранскихъ пасторовъ, нерѣдко владѣющихъ участками отъ 500 до 1000 десятищъ, которые сдаются ими, по примѣру бароновъ, крестьянамъ-арендаторамъ на тѣхъ же началахъ безпощадной эксплуатаціи.

2) *Среднихъ землевладѣльцевъ не дворянскаго происхождения.* Къ нимъ могутъ быть отнесены арендаторы частныхъ и казенныхъ имѣній. Размѣры такихъ среднихъ хозяйствъ колеблются отъ 20 до 100 дес. Въ среднемъ въ нихъ бываетъ занято отъ 2 до 6 рабочихъ и столько-же работницъ.

3) *Мелкихъ крестьянъ,* къ которымъ слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, кто обрабатываетъ свой участокъ исключительно силами своей семьи безъ помощи наемныхъ рабочихъ. Самостоятельно такія хозяйства держатся только въ пригородныхъ мѣстностяхъ. Къ этому разряду относятся, скорѣе всего, и мѣстные исполщики, хотя нѣкоторые изъ нихъ пользуются наемнымъ трудомъ при обработкѣ своихъ нацеллъ*).

4) *Сельско-хозяйственный пролетаріатъ,* состоящій изъ занятыхъ въ крупныхъ помѣстьяхъ, постоянныхъ рабочихъ съ ихъ семьями, батраковъ и батрачекъ, работающихъ въ среднихъ хозяйствахъ, и изъ сезонныхъ рабочихъ. Этотъ классъ населенія, за ничтожными исключениями (литовцы и бѣлоруссы), состоитъ изъ латышей и насчитываетъ въ одной Курляндіи до 250,000 чело-вѣкъ.

Хуже всего положеніе семейныхъ рабочихъ. Вслѣд-

*) Исполная система является въ Прибалтійскомъ краѣ одной изъ самыхъ отвратительныхъ формъ эксплуатаціи. Послѣ наступленія кризиса, многіе средніе землевладѣльцы предпочли сдавать свою землю по частямъ семейнымъ батракамъ, которые обязаны не только отдавать имъ половину урожая, но и нести цѣлый рядъ платежей и натуральныхъ повинностей.

ствіе меньшей своей подвижности они подвергаются наибольшей эксплуатаціи. Трудно себѣ представить, въ какихъ отвратительныхъ помѣщеніяхъ приходится жить семейнымъ рабочимъ и какого качества продукты отпускаются имъ землевладѣльцами въ видѣ пищевого довольствія.

Въ моментъ промышленнаго подъема въ города переселились цѣлыя семьи такихъ рабочихъ, а въ настоящее время рѣдкая семья сельскаго рабочаго не посылаетъ сына или дочь на фабрики Риги, Либавы или Митавы. Такимъ образомъ въ Лифляндіи и Курляндіи городской и сельскій пролетаріатъ связаны не только общностью интересовъ, но и узами родства. Это обстоятельство сыграло важную роль въ распространеніи соціаль-демократическихъ идей въ деревнѣ.

Соціаль-демократы уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ приступили къ пробужденію классового самосознанія сельскаго пролетаріата при помощи устной агитаціи и массового распространенія прокламацій. Устные и печатныя извѣстія о правительственныхъ звѣрствахъ въ Петербургѣ, Ригѣ и Варшавѣ, проникнувъ въ деревню, сильно взволновали сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и подготовили почву для дальнѣйшихъ событій. Недовольство быстро нарастало и мѣстные соціаль-демократическія организаціи рѣшили использовать моментъ. Уже въ февралѣ въ нѣкоторыхъ церквахъ южной Лифляндіи произошли крупныя демонстраціи, и сельскій пролетаріатъ Прибалтійскаго края впервые поднялъ красное знамя соціаль-демократіи. Огненными словами заклеили наши ораторы преступленія правительства... Въ мартѣ движеніе охватило уже большую часть Курляндіи. Въ окрестностяхъ Виндавы и Гробина начались первыя стачки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Предводители дворянства бросились въ Петербургъ вымаливать репрессии. Послѣ распространенія на Курляндію положенія объ усиленной охранѣ, во многихъ крупныхъ имѣніяхъ были расквартированы казаки и драгуны. Не смотря на это, въ имѣніяхъ Дондангенъ и Рауненъ произошли еще бо-

лѣе грандіозныя демонстраціи. Полиція, пытавшаяся вмѣшаться, была обезоружена.

Въ апрѣлѣ 1905 года Центральный Комитетъ Латышской Соц.-Дем. Раб. Партіи выпустилъ обширное воззваніе „Къ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ“, въ которомъ указывалось на значеніе и результаты, начавшейся въ городахъ борьбы и земледѣльческіе рабочіе призывались готовиться ко всеобщей стачкѣ и вооруженному возстанію. Приводимъ изъ этого воззванія нѣкоторые требованія: 1) вознагражденіе семейнаго батрака, живущаго на собственныхъ харчахъ, не должно быть менѣе 300 рублей въ годъ; 2) жены рабочихъ получаютъ за свой трудъ отдѣльную плату въ размѣрѣ не менѣе 225 рубл. ежегодно или же 70 коп. подешшо; 3) заработная плата холостыхъ рабочихъ и незамужнихъ работницъ должна быть повышена на 20%; 4) рабочимъ, живущимъ по годовому контракту, жалованіе должно выдаваться сполна въ концѣ каждаго мѣсяца; 5) рабочий день между 24 апрѣлемъ и 29 сент. ограничивается 10 часами; въ остальное время года оно не должно превышать 8 часовъ; 6) сверхурочныя работы допускаются только съ согласія всѣхъ мѣстныхъ рабочихъ; 7) установленіе праздничнаго отдыха; 8) упорядоченіе квартирнаго вопроса и бесплатная врачебная помощь. Какъ видитъ читатель, экономическія требованія были болѣе чѣмъ скромны. Въ воззваніи особое вниманіе было уделено разъясненію необходимости политической борьбы и для сельскаго пролетаріата. Впрочемъ объ этомъ позаботилось само правительство. Чисто экономическое движеніе съ появленіемъ казаковъ приняло рѣзко политическій характеръ. Никто теперь не былъ гарантированъ отъ насилій дикой орды и вся ненависть сельскаго населенія обращалась на тѣхъ землевладѣльцевъ, которые расквартировали у себя казаковъ. Помѣщенія казаковъ поджигались, ихъ лошади отравлялись. Во многихъ имѣніяхъ батраки соглашались возобновить работу только послѣ удаленія казаковъ. Къ пасторамъ предъявляется требованіе прекратить чтеніе екатеніи и въ случаѣ неисполненія этого

приказанія ихъ удаляютъ изъ церкви. 1 мая устраиваются шествія съ красными знаменами и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень. Чтобы не вводить казаковъ въ церковь, духовный конвентъ (пасторы и крупные землевладѣльцы) обратился къ прихожанамъ съ воззваніемъ сформировать изъ своей среды дружины для поддержанія порядка. Это предложеніе не встрѣтило сочувствія ни въ комъ, кромѣ самихъ бароновъ; противъ него высказались даже средніе землевладѣльцы. Пасторамъ оставалось только закрыть свои церкви,—что они и сдѣлали. Въ 20 числа юля борьба за повышеніе заработной платы, которая въ Ригѣ, Либавѣ и Митавѣ съ небольшими промежутками велась въ продолженіе марта и апрѣля, вновь приняла грандіозные размѣры всеобщей стачки. Въ Ригѣ забастовало 60 фабрикъ съ 40000 рабочихъ. Кромѣ того бастовали каменщики, пекаря, мясники, портовые рабочіе и кондуктора конокъ. То же происходило въ Либавѣ и Митавѣ. Въ этотъ моментъ 26 юля 1905 года Митавскій Комитетъ Латышской Соц.-Дем. Раб. Партіи рѣшилъ объявить давно готовившуюся въ Курляндіи всеобщую стачку сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Это было, дѣйствительно, самый удачный моментъ, чтобы показать правительству силу объединеннаго латышскаго пролетариата. Съ 26 юля отряды въ 10—15 человекъ вооруженныхъ ружьями и револьверами рабочихъ разсыпались по сельскимъ округамъ, призывая повсюду земледѣльческихъ рабочихъ примкнуть къ стачкѣ. При этомъ распространялись агитаціонные листки съ требованіями сельскихъ рабочихъ. Земледѣльческіе рабочіе повсемѣстно бросали работу и слѣдовали за вооруженными отрядами въ другія экономіи. Противъ владѣльцевъ имѣній, находившихся подъ защитой казаковъ и драгунъ, были приняты репрессивныя мѣры. Въ Грюнгофѣ, Эпделгофѣ и Фокенгофѣ были сожжены хозяйственные постройки. При русскихъ условіяхъ движеніе, конечно, не могло долго носить мирнаго характера; это было ясно съ самаго начала. Въ имѣніи Паленъ-Гофцумбергъ произошло столкновеніе драгунъ съ вооруженными рабочими. Драгуны были разбиты.

У волостныхъ правленій вооруженные отряды, обыкновенно, останавливались, срывали государственный гербъ и предавали его уничтоженію вмѣстѣ съ царскимъ портретомъ и рекрутскими списками. Уничтоженію предавались также казенныя винныя лавки, при чемъ строжайше воспрещалось нить водку или брать съ собой хотя бы одну бутылку. Въ пасторатахъ уничтожались церковныя архивы. Всюду, гдѣ возможно, конфискуется оружіе и осуществляется приказъ Центрального Комитета—вооружаться.

Заканчивался подготовительный періодъ революціоннаго движенія,—начиналось вооруженное народное возстаніе.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.